

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

The poster features a large, close-up, and highly detailed zombie face in the foreground on the right side. The zombie has pale, decaying skin, sunken eyes, and a wide, menacing grin showing sharp teeth. The background is a dark, atmospheric scene of a village at night. A wooden house with a single lit window is visible. In the foreground, a table is set with food and a small fire. A white car and a dark van are parked in the distance. The sky is dark with silhouettes of birds or bats flying.

АНТОН СЕРГЕЕВ

Антон Сергеев
Мёртвый сезон

<https://litres.ru/73812297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Друзья пытающиеся выжить в условиях тотального краха человеческих систем и популяции.

Антон Сергеев

Мёртвый сезон

Зима — мёртвый сезон и она уже близко. По утрам над полями лежит тяжёлый серый туман. Он медленно ползёт между домами, стелется по дороге, цепляется за заборы. Иногда кажется, что он не просто холодный воздух, а дыхание самой зимы. По ночам мороз уже начал трогать землю. Пока что осторожно, словно проверяя — можно ли уже приходить. Темнота теперь приходит раньше и остаётся дольше. Она растекается по улицам, по крышам домов, по пустым огородам, как опрокинутая банка чернил. Кажется, будто огромная холодная лапа медленно накрывает всё вокруг. Леса за селом стоят чёрные и неподвижные. Днём они молчат, а ночью иногда оттуда доносятся звуки, которым трудно найти название. Мы знаем, что это не ветер.

Сады вокруг домов стоят мёртвые. Фрукты давно сгнили, а ветки — голые и чёрные, тихо скрипят на ветру, будто старые кости. Так как дни становятся всё короче, свет мы гасим рано, и медленно с остальным миром погружается в серые сумерки. В такие часы трудно понять — это ещё день или уже ночь, это всё ещё жизнь, или порог смерти.

Огороды также давно заброшены. Их забросили еще до всех событий, так как большая часть населения выехала из

села и устремилась в город, в поисках лучшей жизни. Но лучшая жизнь так и не наступила, как это не прискорбно осознавать. Чёрная земля раскисла от дождей и поросла почерневшими теперь бурьянами и из неё местами торчат старые колья для помидоров или других овощей. Стоят криво и смотрятся как маленькие кресты.

Ворон как мне кажется стало больше. Они сидят на проводах и на крышах пустых домов. Иногда перелетают с места на место, тяжело хлопая крыльями, и долго смотрят вниз, на пустые улицы. Но даже они вроде как стараются поддерживать эту ужасную тишину, меньше каркая.

Из окружающих село дубрав и лесов тянет тяжёлым запахом сырости. Такой запах бывает каждую осень, но в этом году он кажется особенно густым и мёртвым.

Когда приходит холод, соседние дома начинают скрипеть. То ли доски в стенах тихо трещат, то ли старые брёвна, из которых они сложены, не знаю. Но складывается ощущение словно дома медленно просыпаются по ночам.

Иногда доносятся звуки, которые не похожи на ветер и тогда становится ясно, что леса за селом не пустые.

Но как по мне, страшнее всего пожалуй тишина. В ней почти всегда что-нибудь кроется и как правило не очень приятное. А вот когда ещё снег укутает землю в белый саван, всё станет ещё тише. И в этой тишине начинаешь слышать вещи, которые лучше бы никогда не слышать. Но, может быть, это просто игра воображения покинутых людей, коими мы себя

ощущаем.

Мы сами не знаем, кому пишем это. Ведь никого не осталось кто бы мог это прочитать. Осознание этого очень пугает, даже не столько пугает, сколько повергает в ужас – больше никого нет. Мы одни. Но если даже и не одни, а где-то есть еще выжившие, то это ничего не меняет особо для нас. Мы отрезаны от них. Если они вообще где-то есть. Но мы не видели живых уже более трех лет. Последний раз это было в августе, если я не ошибаюсь.

Мы стараемся держаться, но это слабо получается. Мысли о верёвке навещают нас всё чаще. Иногда она кажется реальным и единственным выходом из сложившейся ситуации.

Раньше я думал что жить избегая людей это очень даже нормально, так как многие из них были полными идиотами и не хотелось заразиться от них этим идиотизмом. Но тогда они хоть были, эти люди. Теперь я и рад жить с ними и общаться на глупые темы, и наигранно улыбаться, да и вообще делать всё как они, но их нет, есть только мёртвая тишина. Так же я часто думаю – счастливчик ли я, или неудачник? Счастливчик в том что я выжил и продолжаю выживать уже пятый год в этих условиях, а неудачник в том что я опять-таки выжил, а не покинул этот мир как большинство. Не знаю что лучше. Хотелось бы верить что это лишь сон, какой-то кошмар, который вот-вот закончится и я, проснувшись продолжу жить как и раньше, погрязнув в рутине, мелких радостях и вечной суете. Но я устал щипать себя чтобы проснуть-

ся – реальность же иная и жуткая.

Сейчас я пишу эти строки под масляной лампой карандашами для рисования, в тетрадках которые мы нашли в старой школе год назад. Тогда мы их забрали для разжигания печки, а теперь вот пишем на них что б не сойти с ума. Снаружи шумит холодный ветер, но в доме тепло – старая печка греет нас. Дрова мы собирали на зиму всё лето. Газового отопления давно уж нет, трубы есть, но в них больше нет ничего. Так же как и света больше нет. Провода висят, столбы всё так же стоят, а толку. Иногда я думаю, что где-то всё ещё работают гидроэлектростанции, если не вышли из строя за это время без людей. Но они слишком далеко от нас и добраться до них нет никакой возможности. Мрачная картина в целом вокруг, даже село в котором мы укрылись – мертво. Да и мы по сути тоже... Не сегодня так завтра, не завтра, так через месяц, год... Итог один и он больше не страшит. Пойдём, так сказать, вдогонку, пусть и с опозданием, за теми миллиардами душ, которые уже пересекли Стикс и теперь в том, пока что недостижимом для нас месте, невесть чем занимаются. Но не будем о них сейчас, их время прошло, остались только мы двое - старые друзья детства, ожидающие прихода очередной зимы, в столетнем доме у чёрта на куличках.

Думаю есть смысл рассказать как это всё случилось. Хотя если кто-то и прочитает это, то и сам прекрасно знает как оно было, а если нет, то... Всё равно напишу как это всё раз-

ворачивалось для нас. Как мы не хотели верить по началу, думали всё обойдётся, люди найдут выход, как мы потом выживали и как остались вдвоём. Думаю будет интересно гипотетическому читателю, а нас отвлечёт от суицидальных мыслей, хоть на время.

За окнами дует осенний холодный ветер, темнеет, ставни заколочены, все входы закрыты, лампы погашены, ружья заряжены, разговоры шепотом. Они часто приходят ночью. И хоть во двор они тоже войти не могут, лишней предосторожность не бывает, мы слишком долго живём здесь, чтобы недооценивать их.

Первого из них я наверное встретил в гипермаркете. Это была маленькая женщина, она держала пакет с мясом и тут же ела его посреди стеллажей с товарами. Проходя мимо неё я только бросил взгляд на её лицо, оно было жутким, ничего не выражающим и жующим сырое мясо. Я в этот момент говорил по телефону с Павлом, мы обсуждали количество алкоголя на всё время отдыха. Тут же я описал ему увиденное и он предположил что женщина просто больная на голову. Я согласился с его мыслью и моментально забыл о ней. Согласовав необходимое мы окончили разговор и я продолжил покупки на всю неделю отдыха, на нас четверых. У меня было прекрасное настроение, так как впереди у меня была целая неделя отпуска, в компании моих друзей. Нам редко удавалось собраться вместе даже на один вечер, а тут целая неделя. Сначала мы думали полететь куда-нибудь в теплые стра-

ны и там оттянуться, но потом Пашка напомнил нам о «холостяцкой берлоге» и все единогласно согласились остаться там.

Это был дом на краю села, за ним начинался спуск в низину, а дальше начинался лес. Старый, деревянный, с огородом и большим садом, который когда-то сажал дед. Весной здесь пахло яблонями, летом — травой и пылью с дороги, а осенью листья лежали в углах двора толстым слоем, будто их специально кто-то сгребал туда каждый год. После того как дед умер и дом достался Пашке, мы предложили не продавать его, а оставить его для нашего времяпрепровождения, если он не против. Паша не отказался от этой идеи, а даже начал модернизировать постепенно некоторые элементы. Мы ему тоже помогали финансово. Кто сколько мог. И за пару лет из старой хаты, получилась довольно-таки неплохая берлога. Мы поменяли старый забор на новый, высокий с воротами, поменяли старую проводку и всю электрику, входные двери, интерьер и много всего остального, для комфортного пребывания там. Весь старый дедовский хлам перекочевал в деревянный, кривой сарай. Пашка собирался всё это как-нибудь вывезти на свалку, но руки всё не доходили.

Мы собирались здесь уже много раз, но каждый из них был как шаг назад, в детство. словно никакие годы не прошли, будто мы просто вышли погулять и через какой-то час два, нужно будет идти домой. В те дни мы отмечали сразу всё — и Пашкин день рождения, и мой отпуск, и просто тот

факт, что давно не виделись. Я приехал первым и начал выгружать купленные продукты и распахивать их по холодильнику. Закончив с этим я налил себе немного виски и сел в дедовское старое кресло и уткнулся в ленту мировых новостей, ожидая моих приятелей с минуты на минуту.

Время шло медленно и я наверное успел выпить чуть ли не треть бутылки, прежде чем я услышал звуки мотора за двором. Это был хозяин берлоги Паша и Серега. Я вышел их встречать.

— Здоров. Ты давно здесь? — спросил Серый, передавая мне сумки полные всякой всячиной.

— Привет. Больше двух часов наверное. — унося купленное ими в дом, отвечал я.

— А, слышно, слышно, что пару часов без присмотра.

— В смысле? — обернулся я.

Серый махал рукой перед носом, будто отгоняя какой-то запах. Я не сразу понял что он имеет в виду.

— Успел уже накатить. — укорительно качая головой сказал Паша. — А нас дожидаться не судьба?

Я улыбнулся и пошел в дом. Там я так же всё аккуратно разложил по местам продукты и вернулся к товарищам.

— Сегодня я на мясе. — сказал Пашка и при этом достал два здоровенных мешка с углём для мангалов.

— Как скажешь, шеф. — буркнул Серый.

Машины остались прямо у ворот. Каждый из нас взял по ящику пива, это последнее что нужно было занести в дом, а

после закрыли ворота на замок. Паша почти сразу переоделся в старую военную форму, он в ней постоянно был будучи в берлоге. В этот раз я тоже напялил свою, не знаю зачем, может чтобы выглядеть как Пашка, может просто из солидарности с ним. Только моя была в разы новее и чище, я ведь её не одевал с дембеля.

— Товарищи военные, разрешите употребить так сказать, алку? — Серый стоял как-то криво и у виска держал руку, будто отдавал честь, вывернутую внутренней стороной почти вверх.

— Разрешаю, товарищ дух. — весело ответил я.

— Есть употребить! — и он быстрыми движениями откупорил по одной бутылке пива каждому. Мы чокнулись и сделали по паре хороших глотков.

— Хорошо. — почти пропел Серёга. Мы закивали головами. Закончив с одной мы открыли еще по одной.

— Что-то Андрюхи нет долго. Где он пропал? — спросил Пашка.

— Набери его. — сказал я. — Может где-то рядом уже.

Паша достал телефон и набрал Андрюху, но тот не ответил.

— Может не слышит, или неудобно за рулём. — предположил Серёга.

— Всё может быть. Ладно, пока он едет начнём-с. Я на мясе...

— Ты уже говорил.

— Ага. А вы там на стол накидайте чего-нибудь.

Сесть решили в беседке. Она стояла чуть в стороне от дома, под старыми яблонями. Дед когда-то сам её сколотил из грубых досок. Крыша была перекрыта старым шифером, стол — тяжёлый, деревянный, со следами ножа и прожжёнными кругами от сигарет.

Паша уже возился у мангала. Перед отъездом из города он полдня провёл на кухне, что-то там мешая в миске, добавляя специи и периодически пробуя маринад на вкус.

— Мясо должно быть как на Кавказе — вкусное и сочное, — сказал он тогда.

Угли уже разгорелись. Паша стоял над мангалом с шампурами, сосредоточенный, как хирург перед операцией. От углей поднимался густой запах дыма и специй. Мясо начинало шипеть, жир капал на угли и от этого вспыхивали маленькие язычки огня.

Мы с Серым тем временем накрывали на стол. Серый достал из пакета одноразовые тарелки и начал расставлять их, время от времени отпивая из бутылки пива.

— Слушайте, когда мы последний раз вот так сидели? Вчетвером. — спросил он.

Я задумался, Паша тоже взвёл глаза куда-то вверх вспоминая.

— Вчетвером, наверное года три назад. Втроём в прошлом году. Иногда вдвоём кто-то из нас. Чаще, конечно по два получалось. — ответил я, раскладывая вилки и ножи.

— Не, на прошлое рождество мы все были здесь. —
Вспомнил улыбаясь Паша. — Помните? Один вечер только.

— Ой не надо. — протянул я. — Мне так плохо на утро было, что аж сейчас вспоминать не охота.

Серый и Паша засмеялись.

— Ты тогда пол страны облевал...

— Фу, хватит. Меня щас вырвет опять. — скривился я.
— Не напоминайте.

Я налил себе минералки в старый пыльный стакан, чтобы хоть немного сбить подкатившее ощущение тошноты и выпил.

На столе постепенно появлялось всё, что мы привезли из города: помидоры, огурцы, зелень, батон чёрного хлеба, банка маринованных грибов, какие-то колбасы, сыры и так далее. Эх теперь нигде такого не найти и не купить.

Бутылки с пивом и виски поставили в середину стола. Рядом — пачки сигарет и зажигалки.

Серый осмотрел всё это хозяйство и довольно кивнул.

— Ну вот. Почти как у людей.

— Почти. — сказал я. — Не хватает мяса.

Мы оглянулись на мясного шефа. В последних, розово-красных лучах заходящего солнца, с шампурами в руках и огненным отражением от углей на всём теле и лице Пашки, он выглядел как древний демон из преисподней. Ему не хватало зловещей улыбки и рог на голове. Из мангала доносился запах жареного мяса.

Паша повернул шампуры и посмотрел на нас.

— Эй, без меня не начинайте.

— Да мы и не собирались, — сказал Серый. — Мы культурные люди.

Паша усмехнулся.

— Наберите Андрюху еще разок, может ответит.

Серый начал набирать нашего четвёртого товарища. Где-то через несколько хат лениво лаяла собака. По дороге изредка проезжали машины — редкие, как обычно в таком селе. Солнце уже почти село и двор медленно наполнялся мягким вечерним сумраком. Некоторые звёзды, как всегда незаметно появились на небосводе. В душе было какое-то умиротворение, ощущение лёгкости и свободы. Никакие дела, не омрачали мои мысли, только релаксация и только приятное времяпрепровождение. Пахло дымом, мясом и деревенским свежим воздухом. Я закурил и пуская струи сизого дыма смотрел на небо и просто кайфовал.

Мы сидели в беседке и ждали, когда приедет Андрей, параллельно болтая о всякой чепухе. Никаких серьёзных тем, так пацанячья трескотня. Тогда нам казалось, что впереди просто несколько хороших дней и больше ничего.

Сначала где-то далеко, за поворотом дороги, прокатился глухой металлический рокот.

Серый поднял голову.

— О, — сказал он. — Похоже, Док едет.

Звук становился громче. Машину ещё не было видно, но

её уже было слышно так, будто она ехала прямо по двору. Глушитель у Андрея прогорел ещё пару месяцев назад, и теперь его старенькая машина ревела так, что её можно было узнать издалека. Ровный тихий гул деревни на секунду исчезал под этим рокотом.

— Когда-нибудь у него отвалится выхлопная прямо на дороге, — буркнул Паша, наливая по четырём рюмкам виски.

Рёв мотора приблизился, потом на секунду стих — Андрей сбросил газ перед поворотом. Через пару секунд машина оказалась на улице перед домом. Фары на мгновение осветили забор, стволы старых елей при въезде и ворота.

Серый встал из-за стола.

— Ну наконец-то.

Машина медленно подкатила к воротам и остановилась. Двигатель ещё несколько секунд тархтел, будто не хотелглохнуть, потом Андрей повернул ключ, и наступила тишина. Из машины хлопнула дверь. Он открыл ворота своим ключом, каждый из нас имел по одному, и появился из темноты, неся в руках пакеты.

— Ну что, вы поцы, без меня начали? — сказал с издёвкой он.

— Пока только готовимся, к приходу главной акушерки страны. — ответил я.

Паша поднял шампур и показал на мангал. Андрей пропустил подкол с акушеркой мимо ушей, как и мы про поцев.

— Ты как раз вовремя. Мясо готово.

Андрей подошёл к беседке, бросил пакеты на стол и оглядел всё это хозяйство — бутылки, тарелки, дымящийся мангал. Улыбнулся.

— Нормально вы тут устроились. Вискарик сёрбаετε, в то время как дети африки...

— Ой, да заткнись ты уже, дитя Африки. — махнув на него сказал Серый. — Едь в Африку и не делай нам нервы.

Андрей достал из пакета ещё пару бутылок, тоже вискаря, и поставил их на стол.

— Чтобы вечер был длинным.

Серый сразу потянулся к одной.

— Вот теперь можно начинать.

Андрюха глянул на меня и спросил:

— А что с этим пистоном?

— А мне уже хорошо. — промямлил я. — А что? Тебя что-то беспокоит?

— Сколько он уже принял? — глядя на остальных спросил Андрей.

Оба пожали плечами в ответ.

— Сделай мне одолжение, пропусти парочку, чтоб с нами на одной волне быть. Плииз. — Андрюха сделал при этом любезное лицо.

— Не вопрос, командир Акушеров. — кивнул я.

Где-то за деревней медленно село солнце, и двор погрузился в вечернюю прохладу. Мы включили лампочку в беседке, на которую тут же налетела армия мошки и комаров.

Мясо получилось на удивление хорошим. Паша не зря возился с маринадом. Снаружи оно было слегка поджаренное, с хрустящей корочкой, а внутри мягкое и сочное. Запах дыма и специй стоял над столом такой, что все на минуту перестали болтать.

Мы съели по несколько кусков и выпили. Потом ещё по одной. Я пару раз пропустил — голова начала слегка гудеть. Паша отложил шампур на край тарелки и посмотрел на Андрея.

— Слушай, акушер... — сказал он. — А чего ты трубку не брал? Тебе звонят трое культурных парней, а ты их динамишь. И чего так поздно приехал?

Андрей откусил кусок мяса, прожевал и запил пивом.

— Да история странная получилась, — сказал он. — Поехал заправиться перед дорогой. Думаю, зальюсь спокойно и поеду к вам. Подъезжаю к первой заправке, а она закрыта.

— В смысле закрыта? — спросил Серый.

— Ну не знаю. То ли переучёт у них был, то ли ещё что. Свет горит, а двери закрыты. Короче, не работает.

Он пожал плечами.

— Ладно, думаю, поеду на следующую.

Андрей снова сделал глоток пива.

— Подъезжаю ко второй... там вообще странно. Подхожу к окошку платить, а оператор какой-то неадекватный. Стоит ко мне спиной и что-то бубнит себе под нос.

— В смысле? — сказал Паша.

— Ну вот так. Я ему говорю: «Залейте на такую-то колонку». А он даже не повернулся. Просто стоит и бормочет что-то. Я сначала подумал — может под кислотой или ещё под чем. Его реально как будто тарасило от каких-то препаратов.

Серый усмехнулся.

— Весёлые у вас там заправки.

— Да я тоже так подумал, — продолжил Андрей. — Короче, плюнул и поехал на третью.

Он покачал головой.

— А там мне вообще отказали. Сказали: заправка не работает. Платёжные терминалы на колонках отключены.

Паша нахмурился.

— Странно.

Он задумчиво посмотрел на угли.

— Я, кстати, тоже по дороге видел пару заправок с табличками «бензина нет».

Потом повернулся ко мне.

— Лёх, ты сегодня что-нибудь видел?

— Я два дня назад заправлялся, — сказал я. — Всё было нормально.

Андрей кивнул.

— Вот и я так подумал. Решил ехать к вам, а по пути где-нибудь заправлюсь.

Он откинулся на спинку скамейки.

— Доехал до той, что напротив метановой — она тоже не

работает.

Серый поднял бутылку и задумчиво покрутил её в руках.

— Слушайте... — сказал он. — А может бензин подорожать собираются? Они специально всё закрыли, чтобы потом дороже продать. Ну типа договорняка, одновременно цены взвинтить и собрать профит.

— Может, — сказал Паша. — Кто их знает.

Андрей махнул рукой.

— В общем, поехал дальше. Уже в Песочине заправился до полного. Там всё нормально было. Ну а оттуда сразу к вам.

Он посмотрел на стол.

— И, честно говоря, я уже был готов к этому шашлыку еще пару часов назад, но видите какие обстоятельства.

Серый поднял бутылку.

— Тогда выпьем за бензин. Чтоб он всегда был в доступе.

Мы улыбнулись и чокнулись. Я выпил лишь треть от того что мне налили.

— Кстати перед вашим приездом я смотрел некоторые котировки и новости пробежался, ничего связанного с нефтью не было. Это я к вашему бензиновому заговору.

— Ну это ж ведь может быть на местном уровне, к примеру. — задумчиво произнёс Серый.

— Может что-то с платёжками... — предположил Андрюха.

— Ага, поэтому завис тот заправщик и смотрел в стену, а не на тебя. — усмехнулся я.

Все засмеялись.

— Да, да, система зависла, а вместе с ней и NPC все то же. — подхватил Паша.

Опять смех. Тогда всё это казалось просто странной мелочью. Одной из тех вещей, на которые не обращаешь внимания.

Но позже я часто вспоминал тот разговор. И теперь понимаю, что что-то уже тогда пошло не так.

— Не, ну а если реально посмотреть на это со стороны сговора, то что им стоит, в рамках одной страны, может региона, поднять цены, заработать и вернуть всё как было. Ведь всё равно будут брать, ездить то нужно всем. — не унимался Серёга.

— Безусловно, кто спорит то? — начал Пашка, — Если учесть что те, кто занимается нефтью и всеми ГСМ миллиардеры, а значит у них есть, либо купленные, либо свои взращённые люди во власти, которые лоббируют, или просто прикрывают их делишки. Поэтому я не удивлюсь, если вернувшись отсюда в город цены на бенз сделают $\times 2$ за эти несколько дней пока мы тут. Завтра глянем новости, может там что-нибудь услышим.

— Я б не стал доверять в таких случаях новостям. Всем известно это чистой воды скам. Если это топливный кризис, или что-то подобное и такое тоже возможно, но я ж говорю вам, я ничего не видел экстраординарного в новостях пару часов назад. Уже б точно растрезвонили по всему миру, если

б что что-то случилось. — подытожил я.

Все замолчали на минуту. Кто-то медленно выпил пива, кто-то откусил кусок сочного жаренного мяса, я ж сидел вытянув ноги под столом и подкурил сигарету.

— Странно это всё. — задумчиво сказал Андрей. — Кто-то просто хочет заработать бабла, а остальные должны этому способствовать покупая его товар по завышенной цене.

— Ага, плюс еще государство со своей лапой, акциз, НДС и так далее. И получается себестоимость равна тридцати центам, а на выходе мы имеем доллар тридцать пять, приблизительно. — добавил Серёга.

— Там еще хранение, логистика и процент азс. — вставил Паша.

— Да это понятно, но сам факт. Плюс более трёхсот процентов от изначальной цены. — как-то грустно сказал Андрей.

— Везде расплачивается обычный люд. А представьте, если пару дней никто не будет покупать топливо. — Сказал я.

— То есть вообще в городе? — спросил Серёга.

— Вообще в мире. Цена через день, думаю упадёт на процентов пятьдесят. Потому что каждая прослойка уменьшит свою маржу, чтобы хоть как-то привлечь клиентов.

— Но и добыча может упасть вместе со спросом, — вмешался Пашка.

— Может, но дальше опять никто не покупает, спрос упал. Представьте себе какой хаос начнётся. Сколько компаний

обанкротится, не сразу это понятно, но вскоре.

— Это невозможно. — усмехнувшись сказал Пашка. — Весь мир сидит на углеводородной игле уже больше столетия и слазить с неё как видно не собирается. Да и те кто контролирует весь этот глобальный бизнес, не дадут этому случиться.

— Знаю, знаю. Не сейчас, но в будущем, возможно. — улыбаясь сказал я и поднял рюмку, — За будущее без углеводородной мафии.

Ребята улыбнулись и мы снова выпили. Я опять закурил, в голове уже шумело и я представлял как где-то, на райском побережье сидит чёрный, хотя почему чёрный, может из-за цвета нефти, да, наверно, так вот сидит этот чёрный углеводородный мафиози и грозит мне толстым пальцем в золотых перстнях с бриллиантами, мол и не думай без меня обходиться. Отказаться от нефти? Ну уж нет. Ты еще попляшешь за такие вольнодумства. Потом картинка сменилась просто побережьем с белым песком, пальмами и бирюзовой водой. Я стою один на этом пустынном берегу и смотрю в даль моря, или океана. И нет никого кого бы я мог увидеть – я один. Потом невидимая рука схватила меня как ребёнка под мышки и немного встряхнула – я открыл глаза. Уже был почти рассвет. Андрюха и Пашка смотрели на меня улыбаясь и немного пошатываясь – они были пьяны.

— Мне снилось море, ребята. Зачем вы меня разбудили? — мой левый глаз слипся и я его никак не мог открыть.

— Пошли спать, пьянь. — икая сказал Пашка. — Завтра уберём здесь всё.

— А где Серый? — спросил я.

— В летней кухне уже часа два храпит. Слышишь? — кивком головы указал Андрюха на открытую дверь летней кухни. И только сейчас я услышал доносящийся оттуда рык. Будто раненое животное доживало свои последние минуты и вот-вот покинет эту грешную землю.

— Убить тигра. — еле-еле сказал я.

— Убить кого? — улыбаясь спросил Паша.

— Тигра. У нас в армии так бывало. Того кто громко храпит, били подушками, чтоб перестал. И это называлось «Убить тигра». — сказал я.

— Вот по тебе видно что армия тебе мозг повредила, тогда еще. Был ведь нормальный пацан. — всё также икая сказал Паша. — Пусть спит человек, а мы в дом пойдём спать.

— Я и сейчас нормальный пацан. — шутя оправдывался я, — Вы идите, я вас догоню, вот только отолюю и одну сигаретку выкурю.

Они поднялись по деревянной лестнице в дом, а я пошел за летнюю кухню отлить. По пути я подкурил и закрыл дверь в кухню что б комары не летели к спящему. Хотя, они наверное уже давно там облепили пьяное тело. Идя вдоль стены я задумался, а что чувствуют комары, когда пьют кровь пьяного, или накуренного человека? Бывают ли у них какие-нибудь искажения восприятия мира, как у людей?

Справляя малую нужду, я поднял глаза и увидел как над лесом зарождается рассвет. Солнца еще было не видно, но его свет уже оживлял спящую природу вокруг. Где-то в низине, там за большим огородом, послышалось пение ранних птиц. Они встречали рассвет своей незатейливой песней. Я подумал как прекрасна природа, как прекрасен мир. Как он сбалансирован хитро и лишь мы как вид привносим ощутимый дисбаланс в него. С этими мыслями я направился к дому. Я уже выключил фонарик над входом в сени и докуривая сигарету стоял на лестнице перед дверью. Обернувшись чтобы бросить окурок, моё боковое зрение выхватило из предрассветного полумрака какое-то движение на дороге идущей прямо от ворот. Присмотревшись я понял что там двое, или трое, нельзя было понять точно, людей. Они еле двигались и шли куда-то, но очень медленно. Странно, я прислушался, но из-за нарастающего пения птиц ничего нельзя было услышать. Посмотрев на эти тени еще с минуту, и так и не поняв кто это может быть в такой час, вошел в дом. На всякий случай дверь я запер на засов и замок, мало ли что. Хотя тут никогда двери не запирают, но во мне, наверное, много от городского жителя, поэтому я закрылся и второй дверью на все возможные замки и засовы. Почистив зубы, я лёг в кровать и моментально уснул.

...

Когда я проснулся было уже далеко за полдень. Голова бо-

лела жутко. Первое что я сделал это достал пиво из холодильника, открыл его об угол стола и сделал несколько больших глотков. После оглядел дом, он был пуст, ребята видимо проснулись раньше и были сейчас на дворе, так я подумал и направился на улицу. Снаружи было жарко и душно. Ребята опять жарили мясо и выпивали понемногу. Только теперь Серега крутился у мангала с шампурами, Андрюха и Паша сидели уткнувшись в телефоны и попеременно что-то выкрикивая.

—... вот ещё одно, пассажиры ждали несколько часов отправки автобуса, водитель которого просто куда-то ушёл...
— негромко читал Паша.

— Магазины без продавцов... — тоже читал Андрей.

— Читай местные новости, что они пишут? — посоветовал Серый переверачивая шампуры над углями.

— Так, местные новости... так, что здесь... вот! Улицы наполняются странными людьми, они стоят глядя в одну точку, шепчут что-то себе под нос. Люди думают что это наркоманы, но по всей видимости это что-то иное... — Паша поднял голову. Его лицо было бледным и взволнованным. Я его хорошо знаю чтобы почувствовать это.

— Что случилось? — спросил я, делая еще пару глотков прохладного пива.

Андрюха тоже поднял голову от экрана, он тоже был чем-то взволнован.

— Какая-то лютая нереальная херня происходит в стране,

Лёх. — он редко называл меня по имени, в основном как в детстве — зелёный, или зелень. Я понял что что-то из ряда вон выходящее происходит где-то там, в городе, или городах.

— Так что именно? Что? — еще раз спросил я. При этом я почувствовал что голова немного проходит.

Они молчали и только смотрели на меня. Я стоял посреди двора в растерянности, с помятым похмельным лицом, бутылкой пива в руке и непонимающий вообще ничего.

— Заправки закрыты, люди массово выезжают из городов... — сказал Серый. Я посмотрел на него и спросил: — Так что именно случилось то? Нашествие инопланетян? Что?

Они почти синхронно покачали головами, давая мне понять что они и сами не знают, а лишь читают что есть в доступе. Я подошел к ним ближе и тоже сел рядом на лавку.

— Читай. — в приказном тоне сказал я.

Паша опять уткнулся в телефон. Андрюха встал и закурил, видно было что он нервничает.

— Вот. Новостной портал: В нескольких регионах зафиксированы случаи странного поведения граждан. Власти призывают сохранять спокойствие. Комментарий под новостью: опять какие-то фейки. Каждый год новая паника. Вот еще. Форум автомобилистов: Кто знает что с заправками? В трёх местах отказались продавать бензин.

— Как и Андрюхе вчера. — сказал я. Пашка кивал молча головой.

— Вот еще. Из ленты новостей: В ряде городов наблюдаются сбои в работе медицинских учреждений. Высокий уровень поступающих больных.

Я почесал голову, она наконец-то прошла полностью. Глянув на Андрея мне пришла в голову другая мысль: — Проверь англоязычные новости.

Пашка что-то быстро набрал в телефоне и уже через пару секунд читал что-то и схватился за голову.

— Это очень плохо, это реально плохо... — он вскочил со скамьи и начал ходить кругами.

Я, Андрей и Серёга уставились на него с явным вопросом на лицах. Он не переставал ходить и что-то читать с телефона. Тут я подумал что нужно мне взять свой телефон и самому посмотреть, и уже было собрался идти в дом, как Пашка остановился, выдохнул и повернулся к нам.

— Судя по всему это какая-то эпидемия, или что-то на это похожее. Люди ведут себя очень странно и это происходит по всему миру, если верить новостям. В США власти призывают людей оставаться дома, в Британии то же самое. Пока мы спасли почти везде вспыхнули беспорядки, стычки больных и здоровых, мародёрство и всё сопутствующее этому.

— Стоп, стоп, стоп. Это реальные мировые новости? — испуганно спросил Сергей.

Паша глянул на него и кивнул.

— Чёрт! Чёрт! Что же делать? — засуетился Серый.

Сказать что я был шокирован, значит ничего не сказать

- просто охренел. У меня в голове побежали вереницы мыслей, одна хуже другой. Я пошёл в дом за телефоном. Вчера его оставил возле кресла на беззвучном режиме. Войдя в дом я услышал как завыла одна собака, буквально через несколько секунд еще одна, потом где-то на другом конце села еще две. Взяв телефон я его разблокировал и увидел восемь пропущенных звонков и три смс. Три раза звонили с работы, три раза звонил брат и два неизвестных. В смс было следующее: В город ни ногой. Может больше не свидимся. Это было от брата. Второе было как ни странно от моей бывшей девушки, она просила меня забрать её, она напугана и не знает что делать. Третье было от какого-то госсервиса: Сохраняйте спокойствие. Временно введён запрет на свободные перемещения граждан. Не выходите на улицу без крайней нужды. Мы вас уведомим когда всё закончится. А вот это уже серьёзно. Значит ситуация выходит, или уже вышла из-под контроля. Я побежал на улицу.

— Только что пришло сообщение о запрете перемещения граждан. — крикнул мне Андрюха.

— У меня то же самое. — взволнованно сказал я. — Это полный капец!

Я набрал номер брата, но он был вне сети. Может пытается выехать из города? Хотя и за городом связь хорошо ловит. Странно.

Ребята тоже кому-то усердно звонили, но никто им не отвечал, как я понял по их лицам.

— Я еду в город. — бросил Пашка и пошел в сторону ворот. Я попытался его остановить и преградил ему путь.

— Не торопись. Мы не знаем что там происходит и без оружия я б туда не совался.

— Ты не поймёшь, там мои жена и дети!

— Я прекрасно тебя понимаю, но это очень высокий риск, для тебя. Имей это ввиду. — я посторонился, пропуская его. Он взглянул на меня, я увидел на его глазах слёзы.

— Может не всё так плохо как пишут. — утешительно сказал Серёга.

— Я склонен верить больше неизвестному человеку из интернета, который пишет то что видит, чем сообщениям от правительства, о мнимом порядке. — проговорил я.

Пашка глянул на нас с грустной ухмылкой и сказал: — Я попробую.

Когда он подошёл к двери в воротах, раздался лёгкий стук снаружи.

— Кто? — крикнул Пашка.

— Это ваша соседка через дом. Эля.

Голос женщины был взволнован и дрожал. Паша глянул на нас и открыл дверь. На пороге действительно стояла соседка, они с мужем пару лет назад купили дом в селе, обустроили его под себя и на выходных часто тут бывали. На ее лице были следы потёкшей туши и видимой усталости.

— Простите, — начала она, — что обращаюсь к вам, но из соседей больше никого не оказалось по улице. Почти все

дома пустые. Только вы тут...

— Что с вами? — поинтересовался Паша.

— Не со мной... с моим мужем. Он ведёт себя как-то очень странно.

— Да вы проходите. — Паша пропустил её во двор. — Мне нужно отлучиться не на долго.

Женщина вошла во двор, а Паша вышел и завел свою машину. Через минуту его уже не было. Эля рассказала нам что они приехали еще вчера днём сюда и занимались всякой домашней ерундой и всё было в порядке, до вчерашнего вечера. Где-то с одиннадцати ее муж начал себя странно вести. Он замолкал на какое-то время и просто смотрел в пустоту вроде как прислушиваясь к чему-то, потом будто к нему возвращалось сознание и он продолжал как ни в чем не бывало. Ближе к полуночи они отправились спать, но по среди ночи он встал и пошел на кухню и начал есть мясо, сырое, такого никогда раньше не было. Утром она проснулась с мыслью что у него точно поехала крыша. Он спал с пожёванным куском мяса в постели. Когда на мгновения к нему вернулось сознание, он испуганно спросил зачем у него в руках мясо, не понимая что вообще происходит, но почти сразу сознание покинуло его и теперь он просто сидит в доме и смотрит в одну точку.

Мы усадили её в беседку, предложили выпить и чего-нибудь поесть. Она выпила, но не ела.

— Что думаешь, док. — спросил Серый Андрюху. — Это

по твоей части.

Мы все глянули на Андрея. Он глупо улыбнулся и начал ходить взад и вперед.

— Я конечно не врач, тем более не вирусолог, но это похоже на какую-то пандемию, причём небывалую. Мы в медучилище проходили патологии, микробиологию, причины заболеваний, вирусологию, всякие инфекционные заболевания, но я мало что помню из этого, прошло больше десяти лет. И я так и не работал по профессии, только практику проходили. Я ж в медучилище пошёл по настоянию матери, это она врач и хотела меня втянуть в эту систему. А я, а что я? Я хотел работать на себя, как отец.

— Ты нам про свою жизнь тут не втирай, мы и так в курсе всего. Ты вспоминай студенческие годы. — немного грозно сказал Сергей.

Андрей долго молчал, глядя на угли в мангале. Потом сказал, будто вспоминая что-то старое.

— Слушайте... я конечно могу ошибаться. Но кое-что из вирусологии всё-таки помню.

Он покрутил в руках бутылку пива.

— Вирусы... они ведь сами по себе почти не живые. Это не бактерии. У них даже клетки своей нет. По сути это просто кусок генетического материала... вроде как инструкция.

Он замолчал на секунду, будто пытаясь вспомнить.

— Кажется... РНК или ДНК. Точно не помню. Но смысл в том, что вирус сам ничего делать не может. Ему обязательно

нужна живая клетка.

Серый усмехнулся.

— Как квартирант.

— Типа того, — кивнул Андрей. — Он попадает в организм, находит клетку и заставляет её делать копии самого себя. Клетка становится... ну... фабрикой вируса.

Он задумался.

— И ещё... вроде бы говорили, что некоторые вирусы могут менять поведение человека. Ну не прям управлять им, но воздействовать на мозг. Есть же вирус бешенства, например. Он заставляет животных кусаться и распространять инфекцию дальше.

Эля нахмурилась.

— Думаете это что-то вроде этого?

Андрей пожал плечами.

— Не знаю. Я ж говорю — я могу ошибаться. Там всё сложнее. И вирусы обычно распространяются через кровь, слюну, дыхание... через жидкости организма.

Он снова посмотрел на затухающие угли.

— Но одно я точно помню. Если это действительно вирус... то он распространяется очень быстро. Особенно если люди сначала не понимают, что происходит.

Он сделал глоток пива.

— И тогда остановить это почти невозможно.

Повисло минутное молчание. Потом я всё-таки спросил:

— Ладно... допустим это вирус. Но откуда такая дрянь

вообще может взяться?

Андрей пожал плечами и какое-то время смотрел на угли.

— Честно? Я не знаю. Я же не вирусолог, я в медучилище всего лишь учился... и то времени уже сколь прошло. Но нам тогда рассказывали одну вещь.

Он почесал затылок, будто пытаясь вытащить из памяти старую лекцию.

— Есть теория... что в вечной мерзлоте и ледниках могут лежать очень древние вирусы. Тысячи... а может и миллионы лет. Они там просто... законсервированы холодом.

Серый нахмурился.

— Типа спят?

— Ну... да. Примерно так. Вирусы ведь не совсем живые. Им особо ничего не нужно, чтобы сохраниться. Главное — чтобы условия были холодные и стабильные.

Андрей снова задумался.

— Нам говорили, что когда ледники тают или вечную мерзлоту начинают копать... можно наткнуться на всякую древнюю микробиологию. Бактерии, вирусы... всё что угодно. Человечество с таким никогда не сталкивалось.

— Подожди, — сказал Серый. — То есть ты хочешь сказать... это могло лежать в земле тысячи лет?

Андрей пожал плечами.

— Теоретически — да. Вирусы ведь не умирают как обычные организмы. Они просто... ждут. Если им потом попадется живой организм — они снова начинают работать.

Он поворошил угли палкой.

— А если это какой-нибудь очень древний вирус... у людей может просто не быть к нему никакого иммунитета. Вообще.

Я почувствовал, как внутри стало немного холоднее.

— И как он тогда мог вылезти?

Андрей вздохнул.

— Да как угодно. Геологи что-то бурят. Нефтяники копают. Лёд тает. Или какая-нибудь научная экспедиция что-нибудь откопала... и сама того не понимая выпустила.

Он сделал глоток и тихо добавил:

— Но я повторяюсь... я могу ошибаться. Это просто то, что я когда-то слышал на лекциях.

Он на секунду замолчал.

— Хотя если честно... иногда самые древние вещи оказываются самыми живучими.

После слов Андрея мы замолчали. Только угли в мангале тихо потрескивали. Эля сидела, сжав стакан в руках, и смотрела на стол, будто пыталась осмыслить услышанное. Серый первым нарушил тишину.

— Отлично, — сказал он, усмехнувшись. — Значит по миру гуляет какой-то доисторический вирус, а мы сидим тут и жрём шашлык.

Он попытался сказать это шутливо, но голос прозвучал натянуто. Андрей пожал плечами.

— Я же сказал — это просто теория.

Эля вдруг подняла голову.

— А если это не теория?

Мы посмотрели на неё. Она выглядела ещё бледнее, чем раньше.

— Мой муж... — сказала она тихо. — Он ведь тоже сначала просто странно себя вёл. Сидел и смотрел в одну точку. Потом начал что-то шептать. А ночью...

Она замолчала. В этот момент где-то за домами завыла собака. Одна. Через несколько секунд ей ответила другая. Потом ещё. Лай разносился по селу глухо и тревожно. Мы переглянулись.

— Что это с ними? — сказал Серый.

Андрей прислушался.

— Собаки так лают, когда чувствуют опасность.

— Или когда по улице кто-то идёт, — сказал я.

Эля резко повернула голову в сторону дороги.

— Он мог выйти из дома...

Мы сразу поняли, о ком она. Серый встал со скамьи.

— Слушайте... может стоит сходить посмотреть?

Я посмотрел на ворота. Вечер тихо шумел в листве. Над огородами начинал подниматься серый туман. И вдруг снаружи раздался звук. Тихий. Металлический. Будто кто-то медленно провёл рукой по воротам. Мы замерли. Серый посмотрел на Андрея.

— Это ветер?

Никто не ответил. Через секунду звук повторился, только

теперь громче. Кто-то стоял за воротами. Серый резко поднял руку и приложил палец к губам.

— Тсс...

Мы сразу замолчали. За воротами снова послышался звук. Металл тихо скрипел, будто по нему медленно водили пальцами. Сначала мы подумали, что это ветер. Но потом из-за ворот донёсся шёпот. Тихий. Хриплый. Почти нечеловеческий.

— Эля...

— ээээляяя...

— ээээль...

У меня по спине побежали мурашки. Эля побледнела так, будто из неё в один момент ушла вся кровь. Она медленно закрыла рот ладонью, чтобы не закричать.

— Это... он... — едва слышно прошептала она.

Никто не пошевелился. Мы сидели абсолютно неподвижно. Даже дыхание старались сдерживать. Ветер медленно шуршал в старых яблонях над беседкой. Где-то в деревне снова завыла собака. Ей ответила другая. Потом третья. Село будто просыпалось от этого тревожного воя. За воротами снова послышался скрежет. Будто человек опирался о металл всем телом.

— Ээээля...

— Ээээль...

Голос звучал так, словно человек пытался вспомнить слово... и не мог. В какой-то момент скрежет прекратился. Наступила тишина. Такая густая, что казалось — её можно потрогать руками. Потом снаружи послышались медленные шаги. Тяжёлые. Неровные. Кто-то отходил от ворот. Мы ещё некоторое время сидели не двигаясь. Потом Серый очень медленно поднялся и осторожно подошёл к забору. Я и Андрей последовали за ним. Мы аккуратно высунули головы над металлом. На грунтовой дороге, метрах в десяти от ворот, медленно удалялась человеческая фигура. Он шёл странно. Будто забывал, как правильно ставить ноги. Человек спустился по дороге в низину. Там уже сгушался вечерний туман. Ещё несколько шагов и фигура растворилась в серой дымке. За низиной начинался чёрный лес. Через минуту мы уже ничего не видели. Серый медленно выдохнул. Эля тихо заплакала. Она сидела в беседке, закрыв лицо руками. Никто из нас не знал, что сказать. Мы только смотрели туда, где исчезла фигура. И впервые по-настоящему почувствовали, что что-то очень плохое уже пришло в этот мир и перекраивает его под себя.

Мы тогда не знали, что делать. Никто из нас. Всё происходило слишком быстро и одновременно слишком медленно, словно время вокруг стало вязким, густым. Чувство страха и какой-то тяжёлой неопределённости медленно накатывало на нас, как холодная вода. Это была встреча с чем-то со-

вершенно неизвестным, с тем, чему невозможно было дать объяснение. Липкий, холодный страх теперь витал повсюду — в воздухе, в темноте между деревьями, в шорохе ветра над селом. Мы трое взрослых мужиков и эта маленькая, перепуганная женщина сидели во дворе какое-то время молча, как дети, не решаясь ни говорить, ни двигаться. Только ветер шумел над двором, и где-то вдалеке продолжали выть собаки.

Первым нарушил тишину Андрей. Он тихо сказал, что, наверное, лучше всем перейти в дом и закрыться от греха подальше. Никто не спорил. Мы поднялись и начали переносить продукты из беседки внутрь. Делали это почти бесшумно, словно любой лишний звук мог привлечь к нам что-то из той темноты за воротами. Бутылки аккуратно ставили на стол, тарелки не стучали, двери старались закрывать медленно, придерживая их руками.

Сергей предложил Эле пока остаться у нас. Она сразу согласилась — видно было, что возвращаться в свой дом ей страшно.

Когда мы оказались внутри, стало ясно, что почти все окна в доме открыты и ни одно из них не закрыто ставнями. Я вызвался всё закрыть. Начал с тех, что выходили во двор. Там на рамах ещё оставались старые крюки, но они давно разболтались. В дедовском кривом сарае я нашёл кусок медной проволоки и начал стягивать ими створки. Делал всё медленно и очень тихо, стараясь не греметь инструментами

и не хлопать рамами.

Пока я возился с окнами, в голове одна за другой крутились мысли — что происходит, что будет дальше, как вообще такое возможно. И пусть с тех дней прошло уже больше пяти лет, я не забыл ни одного мгновения того вечера.

Закрыв окна со стороны двора, я обошёл дом и принялся за те, что выходили на улицу. Там было темнее. Село уже почти погрузилось во мрак ночи. Я стоял спиной к дороге и не видел, как та тройца, которую я заметил ранним утром, тихо приблизилась ко мне.

Когда я закончил стягивать последнюю раму проволокой и повернулся, они были уже совсем рядом. Я замер.

Трое людей медленно шли по дороге прямо ко мне. Шли так же, как и утром — тяжело, неуверенно, будто каждое движение давалось им с трудом. Один из них время от времени поднимал голову и будто что-то вынюхивал в воздухе или прислушивался к чему-то невидимому. Я сделал шаг назад. В этот момент они меня заметили. И всё произошло мгновенно. Все трое резко сорвались с места и бросились в мою сторону. Я успел только развернуться и рвануть к воротам. Сердце билось так, будто сейчас выскочит из груди. Я вскочил в маленькую дверь в воротах и захлопнул её за собой. В ту же секунду в металл ударило что-то тяжёлое. Потом ещё раз. И ещё. Удары посыпались один за другим, яростные, бешеные, словно за воротами пытались проломить их голыми руками. Я отшатнулся, споткнулся о старую желез-

ную чистилку для ног, торчащую из земли у входа, и рухнул на спину. На четвереньках, почти не разбирая дороги, я добрался до дома и ворвался внутрь. Мы захлопнули двери и закрыли всё, что только можно было закрыть — на замки, засовы, крючки.

Снаружи доносились звуки. Страшные, чужие, будто человеческие голоса пытались говорить, но не могли вспомнить как. Они били по воротам так сильно, что гул разносился по всему двору и был слышен даже внутри дома. Через какое-то время к ним, видимо, подошли ещё несколько таких же. Потому что примерно через полчаса удары по металлу стали сильнее, громче, хаотичнее. Потом, спустя примерно час, всё вдруг стихло. Они перестали бить по воротам, но не ушли. Мы слышали их. Они стояли там, прямо за воротами.

Иногда кто-то из них выкрикивал отдельные слова. Иногда просто шипел или бормотал что-то бессвязное. Слова были самые обычные — будто обрывки чьих-то мыслей.

«Стол...» «Чёрный...» «Рука...» «Деньги...»

Какие-то прилагательные, какие-то глаголы, случайные слова, никак не связанные между собой. Они произносили их наугад, как будто память человека внутри них рассыпалась на куски.

Так как дом был очень старый, деревянный, и со звукоизоляцией там всегда было плохо, поэтому мы слышали их очень хорошо. И наверное именно тогда, сидя в полумраке и слушая эти странные, чужие слова за воротами, я впервые

по-настоящему начал понимать, что мир, который мы знали, уже начал медленно исчезать.

...

Спустя ещё какое-то время они разбрелись кто куда, и над посёлком снова повисла мёртвая тишина. Такая тишина, которая давит на уши и заставляет прислушиваться к каждому шороху.

Я вдруг подумал, что мы, наверное, зря так легко отпустили Пашку. Его шансы вернуться сюда сейчас были настолько малы, что даже думать об этом не хотелось.

Серёга и Андрюха сидели у стола и без остановки строили кому-то сообщения. Судя по их лицам, никто не отвечал. Я только мог представить, какой сейчас хаос и паника в больших городах. Если всё это происходит на самом деле, то там, скорее всего, уже идёт настоящее смертоубийство и полная анархия.

Я тихо включил телевизор. Каналов было всего три, но хоть какое-то отвлечение нам сейчас было необходимо.

На первом из доступных каналов шёл балет. Причём в чёрно-белом исполнении. Сначала я подумал, что это какая-то старая запись, но выглядело это странно — будто кто-то просто включил архивную плёнку, чтобы чем-то заполнить эфир. Я переключил на второй канал. Там была испытательная телевизионная таблица. Это было уже реально плохо. Это могло означать всего несколько вещей: либо канал

просто прекратил работу, либо им больше нечего транслировать. А третий вариант был ещё хуже — возможно, там просто некому больше работать. Я снова переключил телевизор, на последний, третий канал. Там шли новости из столицы, причём в прямом эфире.

Камера тряслась. Оператор бежал за репортёром по тёмным улицам мегаполиса. В кадре мелькали люди — кто-то просто бежал, кто-то кричал, кто-то падал. Иногда между ними появлялись фигуры, которые двигались иначе.

— Вон... — тихо сказал Андрей и указал пальцем в экран. — Заражённые... или больные... не знаю, как их теперь называть.

Я даже не успел ничего ответить. На секунду камера показала улицу, усыпанную обглоданными кусками человеческих тел. Они валялись прямо на асфальте, как мусор. Я не сразу понял, что именно увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.